

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**Е. С. Алексеенкова,
В. М. Сергеев**

Темный колодец власти
(о границе между частной
сферой государства и частной
сферой личности)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Alekseenkova_2008_3.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ТЕМНЫЙ КОЛОДЕЦ ВЛАСТИ (о границе между частной сферой государства и частной сферой личности)

Е.С. Алексеенкова, В.М. Сергеев

"Таким образом, мы опознаем в качестве жертвы прежде всего того, кто ловушку конвенций принимает за язык истины, играя в герменевтику и читая на телах знаки души и ее ценностей, тогда как на самом деле существуют только 'знаки-накладки \ скрывающие тело и его логику"
М. Энафф. Маркиз де Сад: изобретение тела либертена

"За нашими мыслями, истинными или ложными, всегда расположено темное основание, которое мы только позднее можем вывести на свет и выразить как мысль".

Л. Витгенштейн. Дневники 1914-1916

Эта работа — о "теле" государства. О том, что скрывается за выставляемыми наружу покровами, — иногда роскошными и поражающими воображение, иногда скромными, может быть, даже убогими, но всегда скрывающими под собой нечто — невидимое, темное, как колодец, и устрашающее при нескромном взгляде внутрь.

Французская революция началась 14 июля 1789 г. с освобождения семи политических заключенных из Бастилии. Этот символический акт до сих пор считается переломным моментом в европейском понимании свободы, ибо он стал одним из первых примеров реализации главной идеи эпохи Просвещения — идеи о том, что власть государства должна иметь предел, и граница, за которую государственной власти ступать не положено, пролегает там, где начинается зона господства "прав человека". Весьма интригующим представляется следующий вопрос: почему при получении сообщения о намерении короля разогнать лишь недавно созданные Генеральные штаты народ Парижа обратил свой гнев именно против Бастилии?

К моменту взятия и разрушения Бастилия уже несколько веков была политической тюрьмой, символом абсолютной и "непрозрачной" королевской власти, ее "частной сферой". В Бастилию заключали как правило на основании так наз. "Lettres de cachet", т.е. королевских приказов, не основывающихся на судебных решениях, причем во многих случаях заключенный не знал, что ему инкриминируется, а само заключение не имело определенного срока. Некоторые короли (в частности, Людовик XIV) имели обыкновение раздавать незаполненные, но подписанные "Lettres de cachet" своим фаворитам для использования по их усмотрению. О степени произвола, вытекающего из этих порядков, свидетельствует например тот факт, что после смерти Людовика XIV в 1715 г. в Бастилии был обнаружен итальянец, просидевший 35 лет без всякого представления о причинах своего заключения и ни разу не допро-

АЛЕКСЕЕНКОВА Елена Сергеевна, аспирантка, научный сотрудник МГИМО(У) МИД РФ; СЕРГЕЕВ Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем МГИМО(У) МИД РФ.

шенный [Ашхарумов 1893: 297]. По-видимому, по сугубо семейной причине в Бастилии оказался знаменитый маркиз де Сад, попавший туда при весьма неясных обстоятельствах, но, вероятно, не без влияния тещи, имевшей возможность добиться в отношении него "Lettere de cachet" после его побега в Италию со свояченицей¹ [Батай 2006: 623; Энафф 2005]. Бастилия была во французском обществе XVIII в. символом "темного колодца", символом тайной, никем не контролируемой приватной власти государства и именно поэтому стала первой целью восставших.

Посмотрим, однако, является ли существование подобной "приватной сферы государства" лишь исключительной чертой абсолютистских или тоталитарных режимов. Этот вопрос имеет исключительное значение для понимания принципов действия и эволюции либерального государства, интерпретации всей совокупности дискурса о "наступлении эры демократии" и становления демократии в переходных обществах. Существует ли "приватная сфера" в современном демократическом обществе, формально объявляющем права человека основой своего существования? Где лежат границы между "приватной сферой индивидуума" и "приватной сферой государства"? Что происходит, когда эти сферы соприкасаются? Вот главные вопросы, которые мы попытаемся рассмотреть в этой статье.

Эпоха Просвещения, а именно просветители XVIII в. [Hamilton, Madison, Jay 1961] и либералы века XIX [Mill 1980] породили идею минимального государства, позднее, в текстах англо-саксонских политических философов XX в. трансформировавшихся в концепцию государства - "ночного сторожа", нанятого охранять права человека.

В основе этой идеи лежало два базовых представления, базовых мифа восходящих к эпохе Просвещения: первым мифом было представление о рациональности человеческого сознания, вторым мифом, проистекающим из первого, оказалось представление о возможности построения прозрачных демократических институтов. Как отмечает Дж.Бернхэм, великое рационалистическое заблуждение Модерна заключается в представлении о том, что все социальные действия изначально рациональны, следовательно, Правда и Добро суть одно и то же, и если человек знает правду о себе и о социально-политической структуре общества, то обществу в целом от этого становится лучше [Burnham 1943: 227-228]. Отсюда возникает идея построения прозрачного минимального государства, внутри которого не существует "тайного знания" и нет таких сфер, которые были бы недоступны взору и контролю любого гражданина, т.е. идея либерального демократического государства.

Отметим здесь ряд тонких замечаний Ддорно и Хоркхаймера: "Основой мифа просвещения с давних пор является антропоморфизм, проекция субъективного на природу... Согласно Просвещению все множество мифологических фигур может быть сведено к одному и тому же знаменателю, все они редуцируются к субъекту... В качестве бытия и события Просвещением заранее признается

¹ Именно маркиз де Сад, видимо в силу имевшегося у него опыта общения с "приватной сферой государства", стал красноречивейшим обвинителем абсолютной власти и ее компетентнейшим "анатомом".

только то, что удастся постигнуть через единство. Его идеалом является система, из которой вытекает вся и все. Но этим отличаются друг от друга его рационалистическая и эмпиристская версии. Сколько бы различно не интерпретировались отдельными школами исходные аксиомы, структура единой науки всегда оставалась той же самой" [Хоркхаймер, Адорно 1997: 21]. Обратим внимание на то, что Адорно и Хоркхаймер упускают из виду возможность иррационалистической трактовки просвещенческой проекции субъекта на мир, в полной мере проявившейся в концепции "общей воли" Ж-Ж. Руссо, и дающей огромные возможности проявления "темного колодца приватной сферы государства", с такой жестокостью обозначившегося в период революционного террора 1792-1794 гг.

Либеральные устремления не спасли революционную Францию от эксцессов. Уже в сентябре 1792 г. во время "сентябрьских убийств" в Париже в политической практике возникает "беспредельная власть", а затем и якобинский террор и новые политзаключенные. Не лучше обстояло дело и с социал-демократическими устремлениями. За освобождением политических заключенных царской России следует красный террор, а затем и создание системы ГУЛАГа. Начиная с 1920-х годов в Европе один за другим рушатся "прозрачные" демократические режимы, возникает фашизм и формируются тоталитарные режимы [Sarfatti 1926: 27].

150

Граница, за которую государственной власти по представлениям и либералов, и демократов ступать не положено, и где, по идее, должны господствовать "права человека", снова исчезает, и возникает "беспредельная власть". Снова, как и в период абсолютизма, внутри государства формируются непрозрачные зоны, попадая в которые, человек сталкивается с неизвестными ему механизмами властвования и практиками взаимодействия индивида и государства — неинституционализированными сферами политики, где власть фактически не имеет предела, где сфера "прав человека" оказывается чрезвычайно уязвимой [см. Dahl 1999, Bosworth 2006]. Отсюда возникает вопрос: а можно ли считать это социальными эксцессами? Или все-таки эти "скрытые энергии политики" [Салмин 2006: 41] являются наиболее ранними формами властвования, а поэтому и в эпоху Модерна оказываются настолько устойчивыми, что периодически "всплывают" в виде такого рода "эксцессов"?

Опыт XX в. показал, что возможность реализации идеи создания прозрачного либерально-демократического государства оказывается значительно ограниченной прежде всего потому, что такое государство не является первичной, а, следовательно, наиболее естественной формой властвования. Это подтверждается тем, что практически вся политика в примитивных и традиционных обществах являлась закрытой сферой для общества, сферой "скрытых энергий политики", сферой "тайного знания", циркулирующего внутри закрытых социальных сетей власти [Алексеевкова 2006-2007]. Цари государств Двуречья, ханьские императоры и египетские фараоны являлись для своих подданных либо богами, либо "детьми богов" и, следовательно, сакральная, недоступная для простых смертных сфера управления государством оказывалась неустранимой и непрозрачной, обеспечивая через магические действия и связи властителя благополучием все общество

[Harris 1978]. Платон в свое время определял государство как большую семью, а политику как ведение домашнего хозяйства: государство как личное домохозяйство владельца — главы семьи — идеальная метафора для такого рода политики.

В период европейского Средневековья личность короля как "помазанника Божьего" создавала сходную атмосферу "непрозрачности" вокруг тайн государственного правления, будучи рационализированной в практике абсолютных монархий и в рассуждениях квази-республиканских теоретиков наподобие Маккиавелли. Это теоретизирование и его превращение в практику достигло исключительно высокой степени в Венеции после учреждения Совета десяти, созданного в 1310 г. [Norwich 1977] и приобрело такую устрашающую мифологическую окраску к концу XVIII в., что французские войска, занявшие Венецию в 1797 г., ожидали вскрытия страшных тайн при инспекции государственных тюрем, распространяя агитационные материалы среди граждан Венеции с описаниями чудовищных пыток в тайных застенках Совета десяти. Как и в Бастилии, где в 1789 г. было обнаружено несколько узников, не представлявших никакого государственного интереса и посаженных в основном в результате излишнего административного рвения, в тюрьмах Венеции ужасов не обнаружилось — были освобождены три политических заключенных [Norwich 1977]. Вопрос, однако, не в том, сколько узников было выпущено на свободу в процессе разрушения "приватной сферы" того или иного авторитарного или тоталитарного государства. Речь идет о самом существовании этой сферы, поскольку, если она существует в принципе, то легко может быть расширена до "необходимого" размера, который сам по себе определяется внутри государства непрозрачным и не зависящим от общества способом. Так, элементы нацистского террора явственно существовали в Веймарской Германии еще до прихода Гитлера к власти (в виде поощрявшихся властью "охранных отрядов" и СС); такие же явления можно обнаружить и во многих режимах Латинской Америки, в рамках которых действовали связанные с полицией и армией "эскадроны смерти". Вопрос в том, возможно ли вообще государство без "приватной сферы", а если нет, то каковы наиболее эффективные методы общественного контроля, не позволяющие этой приватной сфере распространяться произвольно на общество.

Можно ли на сегодняшний день полностью ликвидировать эту сферу в современном либеральном государстве?

Рассмотрим один нетривиальный пример, представляющий "детективный" интерес не в меньшей степени, чем разрешение загадки знаменитой "железной маски". В январе 1945 г. в Будапеште, еще не взятом полностью советской армией, был арестован атташе шведской дипломатической миссии Рауль Валленберг, член семьи широко известного и очень богатого шведского бизнесмена. В течение нескольких предыдущих месяцев Валленберг спас от нацистского "окончательного решения" десятки тысяч венгерских евреев, выдавая им свидетельства о шведском гражданстве. Арест дипломата нейтральной страны даже во время военных действий - событие чрезвычайно редкое и являющееся грубым нарушением международной дипломатической практики. Заместитель министра иностранных дел СССР Дека-

нозов сразу же уведомил шведское правительство о том, что Валленберг находится "под защитой советских войск". Через короткое время эту же информацию в Стокгольме подтвердила посол СССР Коллонтай. Шведское правительство не проявляло никакого нетерпения в связи с этим вопиющим нарушением Венских конвенций. Более того, когда американский посол Гарриманн, имевший в Москве немалое влияние, предложил помочь в деле освобождения Валленберга, шведское правительство отказалось принять эту помощь.

25 июня 1946 г. шведский посол Седерблом виделся со Сталиным перед отъездом из Москвы. На вопрос Сталина, какую просьбу посла он может исполнить, Седерблом упомянул Валленберга. Сталин сказал, что другие сотрудники шведской миссии в Будапеште были защищены от опасностей войны, и тут Седерблом неожиданно сказал, что он уверен в том, что Валленберг стал жертвой бомбы или бандитов. Это был поворот в деле. В 1947 г. на запрос шведского правительства Вышинский ответил, что никакого Валленберга СССР не знает и никогда с ним дела не имел. Все эти взаимодействия были недоступны шведской публике, полностью остававшейся в неведении относительно судьбы Валленберга. Даже после появления свидетельств шведского журналиста Сандеберга, выпущенного советским правительством и имевшего свидетельства о пребывании Валленберга в тюрьме в Москве, шведский МИД не предпринял попыток использовать эту информацию. В 1956 г. во время визита Хрущева в Швецию премьер-министр Таге Эрдандер снова поднял этот вопрос и получил ответ, что Валленберг скончался в тюрьме в Москве в 1947 г. Впоследствии, уже в 1960-е годы, появлялись новые свидетельства о Валленберге, будто бы находившемся в тюрьме во Владимире, затем в психиатрической лечебнице, но эти сообщения не были подтверждены.

Нас здесь интересует не столько поступки самого Валленберга, вызвавшие по каким-то причинам приказ о его аресте, подписанный Булганиным, заместителем Сталина по военному ведомству (что, учитывая нарушение Венских конвенций, может быть вместе с последующим сокрытием этого факта отнесено к *casus impregia* СССР), сколько поведение шведского правительства и дипломатов, весьма неохотно действовавших для освобождения Валленберга и вместо придания этой истории широкой гласности для оказания давления на СССР засекретивших факты, к ней относящиеся, и фактически бросивших Валленберга на произвол судьбы. Чем было вызвано такое отношение, остается только гадать [Bierman 1982]. Позднее Судоплатов в своих мемуарах сделал предположение, что Валленберг был вовлечен в посредничество в переговорах англичан и американцев с некоторыми влиятельными кругами в Германии о сепаратном мире и именно поэтому вызвал интерес советских властей [Шелленберг 1991].

Так это или не так, но история с Валленбергом демонстрирует, насколько может быть глубока и темна "приватная сфера государства" даже вполне либерального и демократического, постоянно гордившегося открытостью и публичностью своей политики.

Анализ современной ситуации показывает, что даже в либеральных демократических странах сохраняется значительный сектор "внесистемной поли-

тики" (коррупция, мафия, значительная роль и активность спецслужб², ситуации "чрезвычайного положения" и т.д.) Поскольку человек еще продолжает сталкиваться с "беспредельной властью" (административные практики на таможне, в тюрьме, на дорогах, в отделениях милиции, в бизнесе и т.д.)³, постольку уместно говорить о том, что даже в институционализированных демократиях присутствуют неинституциональные ("внесистемные") инструменты политики, часто фактически нивелирующие существующие на бумаге демократические институты. Это доказывает наличие закрытой сферы внутри государства, функционирующей в соответствии с некими "raison d'etat", скрытыми от глаз рядового гражданина, где государство как "носитель суверенитета, делегирует комиссарам все полномочия для принятия совокупных мер, которые требуются или, смотря по ситуации, могут потребоваться в интересах общественного спокойствия, безопасности или порядка, которые могут стать необходимыми сообразно обстоятельствам..." [Шмитт 2005: 195].

Суммируя еще раз, основным вопросом, на который мы хотели бы ответить, является вопрос о том, может ли (и до какой степени) власть быть ограничена институционально? Что представляет собой власть внутри "частной сферы государства", примеры которой описаны выше? Куда исчезает граница, которую провел либерализм между политической властью и частной сферой личности? Является ли "беспредельная власть" социальным эксцессом или имманентно присущей, но лишь с разной интенсивностью проявляющейся характеристикой любого государства? Каковы инструменты установления такой "беспредельной власти"?

153

² В Италии XX в. "несистемный" сектор политики (мафия, террористы и коррупционные сети) оказался настолько масштабным, что системная политика стала практически не эффективной [см. Stille 1996; Dickie 2004; Balzamo, Carpozi 1988; Meade 1990; Katz 1980].

³ Параграфы 66-67 УК ФРГ, например, допускают превентивное заключение сроком до 10 лет с возможностью последующей его пролонгации, причем общим признаком, характерным для всех случаев превентивного заключения, является требование, чтобы "общая оценка лица и совершенного им деяния показывала, что вследствие его склонности к серьезным преступным деяниям, в частности, к таким, которые причинили их жертвам душевную травму или тяжкий физический вред или тяжкий хозяйственный ущерб, оно опасно для общества". Превентивное заключение было включено в уголовный кодекс в 1933 г., а после падения режима нацистов перешло в правовую систему Федеральной республики. В 1998 г. Конституционный суд ФРГ постановил, что, если преступник продолжает представлять опасность, его можно оставлять в предварительном заключении даже пожизненно. До этого первое превентивное заключение, которому подвергался преступник, было ограничено 10 годами. В 1998 г. этот предел был отменен, причем данное постановление фактически имело обратную силу. Было решено, что конституция запрещает налагать наказания, имеющие обратную силу, однако превентивное заключение — это не наказание. Судьи постановили, что бессрочное превентивное заключение не нарушает ни человеческого достоинства, ни прав человека. Похожий закон был принят недавно во Франции. Это повторяет тоталитарную практику советского и нацистского режимов.

⁴ Муссолини пишет: "Либеральное государство — это маска, за которой не скрывается никакого лица. Это леса, за которыми нет здания... Те, кому полагается быть с этим зданием, чувствуют, что оно подошло к последней черте позора и комизма" [Mussolini 1934: 315-316]. Здесь с истинным лицом государства отождествляется тот самый "колодец тайн", символом которого и была Бастилия. Для фашизма никому не подконтрольная воля и есть существо государства, для которого нет никаких ограничений ни в публичной, ни в частной сфере. Отказ от "частной сферы" объявляется своего рода доблестью, жертвой на алтарь государства, которая через некоторое время уже будет не нужна, потребуются только "голая жизнь", которую можно безнаказанно уничтожать в рамках "биополитики".

КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ "ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВЛАСТИ"

*"На этот суверенитет как на принципиально неограничиваемое полномочие
делать то, чего положение дел требует в интересах государственной безопасности,
без оглядки на будто бы препятствующий этому конституционный порядок,
ссылалась королевская власть Реставрации".*

Шмитт К. Диктатура

*..It's a place, where 'everything is possible'...
All life becomes sacred and all politics becomes the exception".*

Agamben J. Homo sacer

*"Суверенный мир — это мир, где граница смерти уничтожена... Суверенность есть
отрицание запрета.... 'Я отказался покоряться, следовательно, я существую*

Батай Ж. Суверенитет

154

Впервые на условия проявления потенциальной неограниченности власти в обществе Модерна обратил внимание К.Шмитт в работе "Диктатура", где он различает "правовым способом упорядоченное, т.е. ограниченное осуществление суверенитета" и "все время скрыто наличествующую, в принципе неограниченную субстанцию всевластия государства", которая "если и налагала на себя ограничения в силу обычного законодательства, то эти ограничения касались как раз того, что она считала нормальным состоянием" [Шмитт 2005: 215]. Ненормальное же состояние — "осадное положение", по Шмитту, — отличается появлением суверенитета как "принципиально не ограничиваемого полномочия делать то, чего положение дел требует в интересах государственной безопасности" [там же: 216]. У К.Шмитта есть четкое разделение двух состояний социума — "нормального" и "ненормального"; в последнем не действуют те ограничения власти, которые действуют в первом, потому что они созданы именно для "нормального состояния". Видимо, в "ненормальном" (кризисном, осадном) состоянии, в "чрезвычайной ситуации" вступают в действие иные механизмы воспроизводства и поддержания власти, иные механизмы взаимодействия индивида и государства.

Несмотря на то, что дальше философско-правовой постановки проблемы суверенитета К.Шмитту продвинуться не удалось, его концепция "осадного положения" получила дальнейшее развитие в работе Дж.Агамбена "Homo sacer" [Agamben 1998], где он анализирует проблему суверенитета в условиях *the state of exception*. В его концепции жертва этого "государства исключения" — *homo sacer* — человек, который может быть безнаказанно убит, но не может быть принесен в жертву, человек, у которого осталась только его *bare life* ("голая жизнь", т.е. биологическое существование), но не осталось никаких гражданских прав. Заслугой Дж.Агамбена является то, что он показал, как меняется социальный статус человека, попавшего в зону *the state of exception*: а именно то, что человек попадает в условия, где нет разницы между правилом и исключением, легальным и нелегальным, где закон и факт совпадают, где субъект теряет все гражданские права и становится объектом биополитики. Суверен в данном контексте и есть тот, кто решает, кому попасть внутрь *the state of exception*. Фактически, суверену Агамбен отводит ту же роль, что М.Фуко — роль "нормализующей власти" — роль определения того, что есть норма,

а что - отклонение, и использование всех наличных ресурсов для возвращения в нормальное состояние [Фуко 1996].

Дж.Агамбен называет несколько таких зон, где индивид оказывается лишенным всего вплоть до *bare life*, концлагерь, сборный пункт иммигрантов на границе и др. Мы продолжим этот список позднее, однако стоит отметить, что наличие таких зон и есть эмпирически выявляемый предел либерализма. Наиболее же важным в данном контексте является то, что автору удалось показать, что суверенитет государства способен расширяться за счет сужения сферы суверенитета индивида вплоть до сведения субъектное™ последнего к биологическому существованию. Позже мы вернемся к этой идее при обсуждении типологии политических режимов.

Итак, анализ обозначенных выше концепций позволил нам осознать, что в условиях "чрезвычайности" ("ненормального" состояния, *the state of exception*) меняется структура социального взаимодействия индивида и государства, трансформируется граница их суверенитетов. Но прежде чем переходить к построению собственной модели структуры суверенитетов, обратим внимание на анализ суверенитета Ж.Батаем.

Ж.Батай определяет суверенитет как способность трансгрессии за границы нормы: его "я отказался покоряться, следовательно, я существую" [Батай 2006: 354], по сути, происходит из идеи экзистенциального прорыва [см. Бергсон 1998; Паскаль 1998]. Суверенность есть отрицание запрета. "Человек, переставший видеть свою собственную субъективную истину в короле и пожелавший найти ее в себе самом, как это раньше именно и делал король, обрел ее лишь в преступлении" [Батай 2006: 355]. Здесь Ж.Батай анализирует понятие суверенитета с точки зрения индивида, а не государства: обретение индивидом собственной суверенности означает нарушение границы, выход за пределы социальной нормы, т.е. преступление, лишаящее государство той части суверенитета, которая раньше принадлежала ему (в период абсолютизма — в лице короля).

Из анализа этих концепций становится ясно, что имеет смысл говорить о *сферах* суверенитета, а не о суверенитете как таковом. Именно структура *сфер* суверенитета способна стать основой типологии политических режимов и социологическим индикатором, определяющим пределы либерализма и величину "внесистемного" сектора политики в обществе. Изменение структуры суверенитета в "ненормальной ситуации", т.е. в ситуации, которая не регулируется формальными институтами, является индикатором степени "беспредельности" власти.

СФЕРЫ СУВЕРЕНИТЕТА И ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

"По отношению к обществам, которые были известны до XVIII века, мы вступили в фазу регрессии юридического; конституции, написанные во всем мире, начиная с Французской революции, составляемые и переписываемые кодексы — вся эта законодательная деятельность, непрерывная и шумная, не должна вводить в заблуждение: все это — лишь формы, которые делают приемлемой власть — по преимуществу нормализующую..."

Фуко М. Воля к истине

Итак, нам представляется возможным выделить три сферы суверенитета внутри социально-политического поля:

- 1) суверенитет индивида;
- 2) суверенитет государства;
- 3) сфера отсутствия суверенитета (публичная сфера).

Если мы возьмем в качестве базового определения суверенитета сочетание определений Ж.Батая ("суверенитет как отрицание запрета") и К.Шмитта ("полномочия делать то, чего положение дел требует"), то мы увидим, что суверенитет, практически оказывается эквивалентом понятия "приватная сфера" (*privacy*). Приватная сфера субъекта — это сфера, внутри которой субъект оказывается несвязанным обязательствами действовать в рамках социальной нормы, сфера, внутри которой субъект обладает возможностью самостоятельного нормотворчества. Эта эквивалентность понятна в отношении субъекта: те сферы жизни личности, внутри которых он обладает суверенитетом, и являются приватной сферой. Что же касается государства, то эквивалентность сферы суверенитета государства и его "приватной сферы" требует некоторых пояснений.

Мы можем определить приватную сферу государства как сферу, внутри которой политика осуществляется не на основании формальных институтов, а посредством использования социальных сетей (информационных, и особенно — сетей влияния и сетей доверия) и неформальных норм взаимодействия. Примерами таких "приватных" сфер государства являются спецслужбы, коррупционные и мафиозные сети, сети доверия и влияния внутри государственных структур, а также все виды "чрезвычайных" ситуаций (в широком смысле слова, т.е. ситуаций выхода за пределы нормы), где решения принимаются *ad hoc*. Это сферы, внутри которых для государственного суверена фактически не существует формальных запретов.

156

Тем не менее, необходимо различать "ядро" и "периферию" приватной сферы государства. "Ядро" — это его внутренность, закрытая от публики и представляющая собой "тайну государства", сам факт случайного соприкосновения с которой может лишить непричастного к этой сфере человека всех прав и превратить в *bare life* безотносительно к месту этого соприкосновения (случай Валленберга). "Периферия" — это зоны государства, в которых *постоянно* происходит взаимодействие между государством и приватной сферой граждан (медицинские учреждения, школы, университеты, полиция, таможня, армия призывников). Эти зоны при определенных обстоятельствах способны легко превращаться в "приватные зоны государства" в силу "нормализующих практик" официальных представителей государства или "комиссаров" государства, не имеющих формального статуса (так, формального властного статуса не имеют большинство представителей медицины, тем не менее, широко практикующих "нормализующую власть", ср. цитировавшиеся работы М.Фуко).

Что же представляет собой сфера отсутствия суверенитета? Сфера отсутствия суверенитета, по сути, совпадает с публичной сферой социального пространства, то есть со сферой социального пространства, в которой легитимные нормы установлены, а их изменение является результатом переговоров между заинтересованными субъектами и социальными группами. Публичная сфера — это сфера суверенитета социальных норм, т.е. права, нормализованного диалога личности и государства, где ни индивид, ни государство не обладают абсолютным суверенитетом.

В таком случае наша типология сфер социального пространства может выглядеть следующим образом:

- 1) частная сфера индивида;
- 2) публичная сфера;
- 3) частная сфера государства.

Всегда ли социальное пространство было структурировано именно таким образом? Видимо, нет. Возникновение публичной сферы — явление довольно позднее, которое можно отнести к эпохе раннего Модерна. Вопрос о существовании публичной сферы в античных демократиях не является простым [см. Сергеев 1999]. То, что принято считать публичной сферой греческого полиса, в наших терминах скорее представляет собой частную сферу государства в силу экстраординарной власти народного собрания. Так была устроена политическая жизнь греческих демократий. Ситуация в республиканском Риме гораздо больше соответствовала нашему представлению о публичном пространстве, как сфере "суверенитета норм".

Появление публичной сферы напрямую связано с проблемой легитимации власти. Воспользуемся здесь определением политической власти, данным нами в одной из предшествующих статей [Алексеенкова 2006-2007]: власть — это легитимное и легальное ограничение свободы (физической и ментальной) индивида, причем легитимность эта есть способность субъекта власти транслировать в общество определенный набор образов и смыслов. В этой работе мы также отмечали, что теория демократической власти является, по сути, теорией ликвидации "реальной власти", поскольку она ликвидирует монополию субъекта власти на генерирование и трансляцию смыслов и образов, т.е. на управление когнитивными схемами общества. Как справедливо отмечает А. Камю в работе "Бунтующий человек", "для человеческого духа доступны только два универсума - универсум священного... и универсум бунта. Исчезновение одного означает возникновение другого" [Камю 1990:15]. Десакрализация человеческого сознания в эпоху Нового времени привела к утрате прежней легитимности политической власти, которая имела религиозное основание. Новая легитимность, пришедшая на смену магической власти, основывалась на рациональном выборе каждого индивида, а местом развертывания процессов согласования единичных выборов стала публичная сфера, которая осуществляет легитимацию суверенитета государства и суверенитета личности. Публичная сфера, определяющая границы и создавая нормативный порядок взаимодействия индивида и государства, оказывается средством защиты границ частной сферы индивида.

Итак, какие же существуют типы структурирования социального пространства в соответствии с нашей концепцией сфер суверенитетов?

Три из идеальных возможных комбинаций интерпретируются достаточно легко:

- 1) отсутствие частной сферы государства;
- 2) отсутствие публичной сферы;
- 3) отсутствие публичной сферы и частной сферы индивида.

В соответствии с этими типами структурирования социального пространства мы можем осуществить типологию политических режимов:

- 1) идеальная модель либерального государства (государство — "ночной сторож", идеальная институционально прозрачная демократия);

2) модель авторитарного общества (сферы суверенитета государства и индивида более или менее институционализированы, но публичная политика отсутствует);

3) модель тоталитарного общества (сферы суверенитета государства и индивида неинституционализированы, граница приватной сферы личности может быть нарушена государством в любой момент, публичная сфера отсутствует в принципе).

Модели авторитарного и тоталитарного режимов обладают наибольшим сектором "чрезвычайной власти" — "нормализующей власти", основанной на периодическом ситуативном или постоянном вмешательстве в приватную сферу индивида. Обе эти модели исторически наиболее ранние, а следовательно, видимо, и наиболее устойчивые.

Насколько сегодня реальна модель либерального государства? Можно ли говорить о том, что в какой-либо из нынешних либеральных демократий приватная сфера индивида является неприкосновенной, непроницаемой для государственного суверена? Представляется, что нет. В обществе Модерна, как отмечал М.Фуко, власть над жизнью развивалась в двух основных формах: "дисциплина тела" ("анатомополитики человеческого тела") и "биополитики народонаселения" ("регулирующих способов контроля") [Фуко 1996:243-244]. Эти формы используются различными институтами: семьей, армией, школой, полицией, медициной и т.д. Они становятся инструментом контроля суверена над приватной сферой индивида, т.е. инструментами "нормализующей власти". Вопрос лишь в том, в каких обществах этот контроль более институционально ограничен, а в каких носит "систематически чрезвычайный" характер. Далее мы намерены обратиться непосредственно к анализу механизмов воспроизводства "нормализующей власти".

"СХЛОПЫВАНИЕ" ПРИВАТНОЙ СФЕРЫ ИНДИВИДА

"В течение длительного времени одной из характерных привилегий суверенной власти было право на жизнь и на смерть. Формально оно происходило... из прежней patriapotestas, дававшей отцу римской семьи право 'распоряжаться' жизнью своих детей как жизнью рабов; он им ее 'дал' — он мог ее у них и отнять".

Фуко М. Воля к истине

"Нормализующее общество является историческим производным некой технологии власти, центрированной на жизни".

Фуко М. Воля к истине

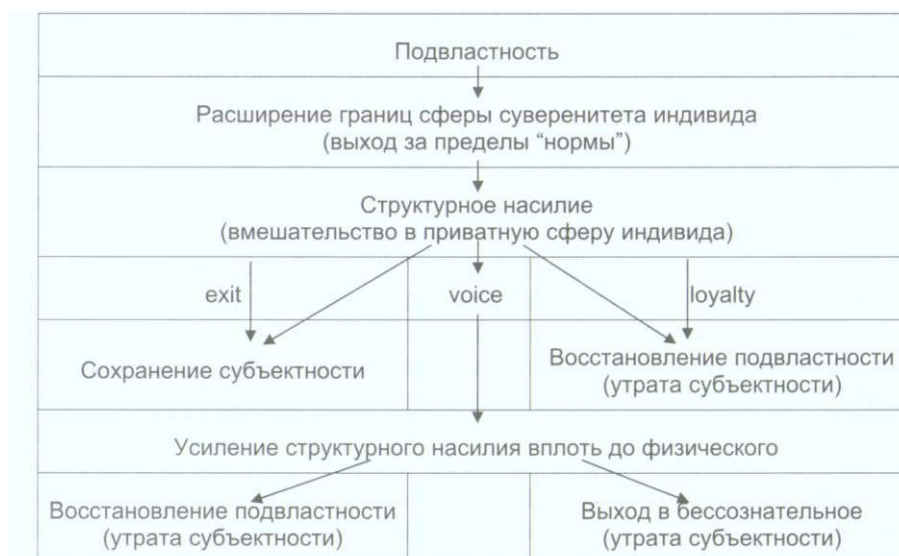
Итак, мы пришли к выводу о том, что приватная сфера индивида даже в современном "либеральном" государстве оказывается довольно уязвимой по причине использования государственным сувереном неких "техник власти" - инструментов проникновения в приватную сферу личности. Однако прежде чем переходить непосредственно к анализу этих техник, необходимо поставить вопрос о том, кто является в данном случае актором — агентом проникновения? Очевидно, что бессмысленно говорить в данном контексте о некоем абстрактном суверене или о неких институтах в целом, будь то школа, медицина, полиция, армия, таможня и т.д. По-видимому, речь должна идти не об институтах, но об иерархии носителей государственного суверенитета -

о *человеческой* иерархии. Практика повседневности показывает, что оказываясь в сфере действия того или иного института (армии, медицины, пограничных служб), мы сталкиваемся, прежде всего, с людьми — представителями данного института, т.е. с некоей иерархией "чиновников". Именно с этими "агентами проникновения" индивид взаимодействует в практике повседневности (в медицинском кабинете во время неизбежного медосмотра в школе, в военкомате, на таможне, в отделении милиции, в тюрьме, на посту ГИБДД и т.д.) Все это ситуации непосредственного соприкосновения приватной сферы индивида и государственного суверена (приватной сферы государства) в лице того или иного конкретного носителя государственного суверенитета. Заметим, что в описанных выше примерах нет места для публичной сферы: речь идет именно о непосредственном соприкосновении суверенитетов. Однако невозможно не заметить явной асимметрии такого рода взаимодействия: дело в том, что носитель государственного суверенитета оказывается наделенным правом применения *санкции* в случае неподчинения, т.е. правом еще более глубокого вторжения в приватную сферу индивида. Наиболее яркими примерами феномена иерархии суверенитета, безусловно, являются состояния нестабильности, т.е. состояния "чрезвычайного положения", революции и т.д. Так, еще К.Шмитт исследовал этот феномен на примере Великой Французской революции. Он отмечал, что комиссары Национального конвента говорили о себе, что они облечены "беспредельной властью". А к 1793 г. "не только дворяне, отказавшиеся от присяги священники и их приверженцы, не только ростовщики, спекулянты и распространители ложных сведений, но и вообще все, кто потворствовал испорченности граждан..., разрушению власти и общественного здравомыслия... объявлялись врагами отечества и наказывались смертью. Вследствие этого они были лишены какой бы то ни было правовой защиты и стали объектами действия, руководствующегося только политическими целями" [Шмитт 2005: 186]. Любой человек оказывался в состоянии *bare life* — лишенным всяких прав и под угрозой применения к нему санкций (вплоть до физического насилия и лишения жизни) носителем государственного суверенитета, как только он демонстрировал выход или даже угрозу выхода за пределы "нормы", устанавливаемой, безусловно, самими носителями суверенитета.

159

Ситуации "чрезвычайного положения", естественно, являются наиболее экстремальным и, так сказать, "чистым" примером нарушения границы приватной сферы индивида носителями государственного суверенитета — представителями *власти*. Очевидно, что это ситуации формирования "the state of exception" на макроуровне. Современная практика повседневности демонстрирует те же закономерности на микроуровне: индивид сталкивается с "беспредельной властью" государственных "комиссаров" на улицах, в отделениях милиции, при обыске на таможне, в кабинете чиновника и т.д., как только он вызывает некие подозрения или демонстрирует свою "неподвластность".

Итак, теперь представляется возможным перейти непосредственно к анализу механизмов проникновения в приватную сферу индивида — механизмов "нормализующей власти". Изобразим схему действия "нормализующей власти" через процесс изменения состояний объекта воздействия следующим образом (см. схема 1).

10

Ранее [Алексеевская 2006-2007] мы определили власть как механизм ограничения свободы (физической и ментальной) индивида, являющийся легитимным и легальным, а структурное насилие как легальное, но нелегитимное ограничение свободы индивида, подчеркнув при этом, что власть является властью только тогда, когда она опирается на поддерживающую ее когнитивную структуру, формирующую доверие [см. Фукуяма 2004; Granovetter 1973; Bourdieu 1986: 241-258; Putnam 1993] объекта власти к субъекту власти, и представляет собой генерирование и трансляцию образов и смыслов. Структурное же насилие не является властью в полной мере, поскольку не опирается на ментальные конструкции, способные эту "квази-власть" поддержать (т.е. несмотря на то, что формальный институт власти существует, доверие к нему значительно подорвано). Вследствие этого о причинах изменения состояния подвластности (второе состояние индивида на нашей схеме) можно говорить, как правило, в двух случаях: либо в случае утраты легитимности прежней власти в глазах индивида, либо в случае трансформации самой власти, самого субъекта властвования (приход к власти новых сил, смена режима, смена легитимации и прочее). В обоих случаях сфера суверенитета индивида (его частная сфера) оказывается неподконтрольной для власти, т.е. она расширяется за счет сужения сферы суверенитета субъекта властвования. Как правило, это ведет к попыткам субъекта властвования восстановить свою власть (или закрепить новую власть), что начинает восприниматься индивидом как структурное насилие, поскольку оно не подкреплено новой легитимностью, т.е. новым доверием.

В результате перед индивидом возникает три возможных стратегии поведения. Если воспользоваться терминологией А.Хиршмана [Hirschman 1970], это *exit*, *voice* и *loyalty*. *Exit* в данном случае означает сохранение внутренней субъектности™ индивида при внешней покорности, т.е. демонстрации подвластности. При выборе такой стратегии поведения

индивиду удастся избежать дальнейшего применения по отношению к нему структурного насилия и в то же время сохранить некую часть собственной приватной сферы (в основном ментальную). Подобное состояние достаточно подробно описано Б.Беттельхеймом в работе "The informed heart", где он описывает, как ему удалось сохранить целостность собственной личности в условиях концлагеря. Как отмечает автор, одной из основных целей концлагеря было уничтожение личности узников через полное уничтожение их приватной сферы и приведение их в состояние некой биомассы, не способной ни на индивидуальный, ни на коллективный протест [Bettelheim 1971:110]. Основная мысль Беттельхейма состоит в том, что узнику концлагеря, где вмешательство в приватную сферу индивида неограниченно возросло вплоть до физического насилия и лишения жизни, фактически невозможно избежать полного распада личности, если только он не найдет для себя какой-то пусть самой незначительной, но осмысленной деятельности, которая бы придавала минимальный смысл его существованию. То есть необходим был минимальный *exit*, минимальная сфера собственного суверенитета.

Другой стратегией является *loyalty* — внутренняя легитимизация структурного насилия, т.е. восстановление подвластного состояния. Так, индивид может с легкостью покориться структурному насилию, веря в то, что оно оправдано революционным положением, войной с терроризмом, угрозой ядерной войны и т.п. Под воздействием страха и техники вторжения в приватную сферу просто потерять способность адекватно оценивать осуществляемые по отношению к нему действия и перестать мыслить самостоятельно, иными словами потерять субъектность.

И третья стратегия — *voice* — как правило, ведет к усилению структурного насилия. По-видимому, в каждом варианте существует некая иерархия структурного насилия. Концлагерь — это физические пытки и смерть вслед за попытками воспротивиться унижающему обращению; полиция — это физическое насилие в ответ на "сопротивление, оказанное органам правопорядка" и соответствующее ужесточение санкций; таможня на государственной границе — личный досмотр или медицинский осмотр в ответ на отказ от обыска и т.д. Важнейшей особенностью "нормализующей власти" представителей государства является презумпция подчинения распоряжению представителя власти вне зависимости от того, законны или нет его распоряжения. Даже в тех случаях, когда теоретически допускается обжалование действий "агента" власти (как правило, без увязывания с его легальным статусом), это распоряжение сначала должно быть выполнено. Отказ выполнять распоряжение позволяет включить совершенно иную шкалу санкций за неподчинение представителю власти, на этот раз уже гораздо лучше обоснованную. Нарушение формальных административных правил "агентами" власти (в качестве таковых могут выступать лица, вообще не имеющие никакого отношения к легальной власти, например, медсестры) обычно легко оправдывается перед начальством наличием технической необходимости или необходимостью экономии времени [см. Фуко 2005].

С очевидностью во множестве таких случаев легальная власть осуществляет делегирование полномочий своеобразным "комиссарам", которые именно в силу отсутствия официального статуса пользуются ей особенно охотно, не

являясь формально ответственными за нарушения, и рискуя в худшем случае увольнением с работы, но не уголовной ответственностью.

Иерархия возрастающих санкций не является во многих случаях средством запугивания, т.е. воздействием на рациональное поведение (подчиняйся, а то будет хуже). Грубое и непосредственное вмешательство в частную сферу индивидуума оказывает прямое действие, минуя сознание, на этологическом уровне. Повышение уровня санкций имеет целью не столько "воззвать к разуму", сколько подобрать уровень воздействия, включающий прямой этологический механизм подчинения, минуя сознание [см. Camp Delta... 2003]. Рациональное сознание "схлопывается", оставляя на поверхности поведения лишь этологию, *bare life*. Именно этим следует объяснять и знаменитый "стокгольмский синдром" и проявления замеченной Беттельхеймом "любви" деградировавших до состояния детства заключенных нацистских концлагерей к охранявшим их представителям СС.

Примеры из опыта повседневности показывают, что иерархия структурного насилия ограничивается лишь ресурсами "суверена" или его "комиссара" и может доходить до крайних степеней жестокости, вплоть до физического уничтожения объекта (например, практика военных и гражданских служащих США в Ираке) [см. Milgram 1974; Koestler 1978]. Такое применение насилия не определяется никакими институциональными нормами, ибо, когда индивид остается один на один с носителем суверенитета, последний оказывается наделенным полной монополией на трактовку поведения индивида. Именно носитель суверенитета решает вопрос об усилении структурного насилия, об ужесточении санкции и определяет, что есть "норма", а что отклонение, что определять как "потворство испорченности граждан... и разрушению власти и общественного здравомыслия".

10

Иными словами, здесь происходит "приватизация государственного суверенитета" его носителем: частная сфера "чиновника" как человека совпадает в его лице с частной сферой государства - на этологическое стремление личности к власти накладываются полномочия носителя государственного суверенитета. Именно степень "приватизации суверенитета" отличает реальное государство от идеальной либеральной модели: в последней четко разводится человек как биологическое существо и человек как функция института. На практике же эти вещи оказываются тесно взаимосвязанными. В слабо институционализированных демократиях мы как раз и можем наблюдать феномен "приватизации суверенитета" в виде коррупции, всевластия органов государственной безопасности и т.д.

Кроме того, на практике необходимо различать структурное насилие как санкцию за выход за пределы нормы, структурное насилие как этологический феномен (стремление человека к власти), а также структурное насилие как провокацию (проверку на степень подвластности "нормализуемого", т.е. готовности его выйти за пределы "нормы"). "Выбор" одного из трех видов структурного насилия также зависит от особенностей частной сферы носителя суверенитета. Возможности институциональных ограничений власти оказываются значительно суженными антропологией человека. Власть оказывается антропологическим феноменом, что значительно ограничивает возможности управления ею. Однако вернемся к нашей схеме.

Усиление структурного насилия в результате выбора индивидом стратегии *voise* ведет к двум возможным последствиям. Физическое насилие, сексуальное насилие или любое другое проникновение в частное пространство индивида может привести к физической потере сознания, помешательству и т.д. То есть человек перестает быть субъектом в объективном психологическом смысле этого слова. Второй возможный результат высокого уровня структурно насилия, как это ни парадоксально, это восстановление власти суверена. Физическое насилие в определенный момент возвращает человеческое поведение на этологический уровень: под воздействием физического страха сознание "схлопывается". Именно такого результата, как мы уже упоминали выше, добивались в немецких концлагерях. И именно это, по-видимому, имеет в виду Дж. Агамбен, когда говорит о *bare life* — состоянии, когда человек становится биомассой. Об этом говорит и М. Фуко, называя эти механизмы "биополитикой" [Фуко 1996], подробно останавливаясь на некоторых из них, в частности, на контроле над сексуальностью и на механизмах психиатрической власти.

В данном случае понятие "нормализующая власть" следует интерпретировать не просто как восстановление социальной нормы, но восстановление состояния подвластности, это постоянные попытки власти к расширению сферы собственного суверенитета. В этом смысле сведение частной сферы индивида к минимуму есть ключевой механизм властвования, проявляющийся снова и снова, несмотря на появление идеи государства — "ночного сторожа".

Представляется, что вмешательство в частную сферу становится основным механизмом властвования уже на этологическом уровне. Еще в сообществах социальных животных, как удалось заметить этологам, у каждой особи существует собственное физическое пространство (у всех — разное, в соответствии с рангом, занимаемым особью в социальной иерархии [Лоренц 2001]), нарушение которого осуществляется строго в соответствии с правилами субординации внутри иерархии [Morris 1971; Morris 1972]. При этом альфа-особь обладает наибольшей властью в сообществе и наибольшим правом на вторжение в *privacy* других особей. То же касается и семейных пар некоторых животных, где партнер имеет преимущественное право на вторжение в частную сферу, поскольку он обладает особым доверием, а, следовательно, наибольшей властью над другим партнером.

В первобытных сообществах [Леви-Брюль 1999] контроль над частной сферой индивида также оказывается наиболее эффективным способом поддержания высокой степени социальной интеграции и основным механизмом властвования. Бесчисленное количество обрядов, табу, в том числе сексуальных запретов, призваны контролировать частную сферу члена племени. Шаман же в таком социуме наделяется наибольшим правом на вторжение в частную сферу индивида и на трансляцию образов и смыслов, регулирующих эту частную сферу. Также необходимо отметить, что власть в таких сообществах — это именно "чрезвычайная власть", т.е. наиболее сильное вторжение в частную сферу индивида (наибольшее структурное насилие) осуществляется, как правило, только в случае выхода индивида за пределы нормы, т.е. в случае попыток расширения индивидом собственного

суверенитета. В средневековом обществе достаточно жесткий контроль над частной сферой индивида в равной степени носил религиозный характер и осуществлялся церковью [Фуко 1996].

Интеграция социума на основе рациональной воли индивида в эпоху Модерна оказывается очень слабой и неспособной гарантировать невыход индивида за границы социальной нормы. Как проникательно отметил А. Камю [Камю 1990], "сознание возникает вместе с бунтом": зарождение рационального сознания вместо религиозного одновременно означало разрушение прежних принципов социальной интеграции, т.е. бунт. Однако и в современном обществе Постмодерна частная сфера индивида оказывается незащищенной от вмешательства суверена, причем количество зон "the state of exception" растет. Практика повседневности показывает, что по-прежнему существуют такие закрытые сферы деятельности государства, попадая в которые человек не на бумаге, но на практике теряет свою частную сферу и, соответственно, все права по защите этой частной сферы, и остается для государства лишь в качестве *bare life*. Попадая под действие структурного насилия, человек оказывается внутри "серой зоны" [Sergeyev 1998], правила взаимодействия в которой ему неизвестны, где власть по-прежнему остается антропологическим фактом, а институциональные ограничения перестают действовать. Это зона отсутствия публичной сферы, а, следовательно, отсутствия гарантий контролируемого функционирования социальных норм и институтов. Таким образом, становится очевидной вся утопичность и дисфункциональность идеальной модели либерального государства: абсолютные пределы власти не могут быть установлены институционально, ибо власть есть не только социальный, но и антропологический (этологический) факт. По-видимому, речь может идти лишь о *минимизации* структурного насилия. В наиболее институционализированных либеральных демократиях эту функцию взяла на себя независимая от исполнительной власти судебная система. В тех же сообществах, где судебная система сама оказывается частью частной сферы государства, ни о какой минимизации речи идти не может.

164

Центральную функцию минимизации структурного насилия должна выполнять публичная сфера. Происходящая сегодня повсеместная эскалация структурного насилия содержит в себе очень опасный потенциал, так наз. демонстрационный эффект. Если факт структурного насилия не преследуется судебной системой или публичной сферой, то оно становится нормой, легко экспортируемой за пределы "чрезвычайных зон". Став нормой, структурное насилие формирует особое "чрезвычайное" сознание. Общество привыкает к тому, что "чрезвычайщина" а, следовательно, вмешательство в частную сферу индивида становится обычной практикой. Меняется структура сознания, оно как бы "схлопывается" вплоть до этологического уровня, и человек снова может сказать о своем мире: "It's a place, where 'everything is possible'..."

Алексеев Е.С. 2006-2007. О когнитивной природе власти (Или о том, как соотносятся власть и демократия). - *Полития*, № 4 (43).

Ахшарумов С.М. 1893. *История Бастилии*. СПб.

- Батай Ж. 2006. *Проклятая часть*. М.
- Бергсон А. 1998. *Творческая эволюция*. М.
- Камю А. 1990. *Бунтующий человек*. М.
- Леви-Брюль Л. 1999. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М.
- Лоренц К. 2001. *Агрессия*. СПб.
- Паскаль Б. 1998. *Трактаты*. М.
- Салмин А. М. 2006. *Шанский слон*. М.
- Сергеев В. М. 1999. *Демократия как процесс переговоров*. М.
- Фуко М. 1996. *Воля к истине*. М.
- Фуко М. 2005. *Ненормальные*. СПб.
- Фукуяма Ф. 2004. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. В. 1997. *Диалектика просвещения. Философские фрагменты*. М., С-Пб.
- Шелленберг В. 1991. *Лабиринт*. М.
- Шмитт К. *Диктатура*. 2005. СПб.
- Энафф М. 2005. *Маркиз де Сад: изобретение тела либертена*. СПб.
- Agamben G. 1998. *Homosacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford.
- Balsamo W., Carpozi J. 1988. *The mafia: The first 100 years*. Chatham.
- Bettelheim B. 1991. *The informed heart*. N. Y.
- Bierman J. 1982. *Righteous Gentle*. L.
- Bosworth R. J. B. 2006. *Mussolini's Italy*. L.
- Bourdieu, P. 1986. The forms of capital. - Richardson, J. G. (ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N. Y.
- Burnham J. 1943. *The Machiavellians*. Chicago.
- Camp Delta Standard Operating Procedures (SOP). Headquarters, Joint Task Force — Guantanamo (JFT-GTMO)*. 2003. Guantanamo Bay, Cuba.
- Dahl O. 1999. *Syndicalism, fascism and post-fascism in Italy 1900-1950*. Oslo.
- Dickie J. 2004. *Cosa nostra: A history of the Sicilian mafia*. Chatham.
- Granovetter. 1973. The Strength Of Weak Ties. - *American Journal of Sociology*, 78.
- Harris M. 1978. *Cannibals and Kings*. N. Y.: Vintage Books.
- Hamilton A., Madison J., Jay J. 1961. *The Federalist Papers*. N. Y.
- Hirschman A. 1970. *Exit, Voice and Loyalty*. Cambridge, Mass.
- Katz R. 1980. Days of Wrath: The Ordeal of Aldo Moro. *The Kidnapping, the Execution, the Aftermath*. N. Y.
- Koestler A. 1978. *Janus: a Summing up*. London.
- Meade R. C. 1990. *Red Brigades: The Story of Italian Terrorists*. N. Y.
- Mill J. S. 1980. *On Liberty*. Manchester.
- Milram S. 1974. *Obeidance to Authority*. N. Y.
- Morris D. 1971. *The Human Zoo*. L.
- Morris D. 1972. *Intimate Behavior*. L.
- Mussolini B. 1934. *La rivoluzione fascista*. Milano.
- Norwich J. J. 1977. *A history of Venice*. L.
- Putnam R. 1993. *Making democracy work*. Princeton.
- Sarfatti M. 1926. *Mussolini*. Leipzig.
- Sergeyev V. M. 1998. *The Wild East*. Armonk, N. Y.
- Stille A. 1996. *Excellent Cadavers: The mafia and the death of First Italian Republic*. L.